

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Символико-аллегорическія изображенія въ древне-русской иконописи.

(Окончаніе).

IV.

Теперь, естественно, возникаетъ вопросъ, откуда же ведетъ свое начало символизмъ въ русской иконописи? Такъ какъ русское иконографическое искусство есть кнеть отъ кнестей искусства византійскаго, то вполне понятно, что и рѣшеніе предложеннаго вопроса стоитъ въ самой тѣсной связи и даже зависяности отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи христіанской символики вообще.

Существуетъ взглядъ, по которому христіанскій символизмъ будто бы обязанъ своимъ происхожденіемъ бывшимъ въ первые вѣка гоненіямъ на Церковь; христіанская иконографія въ силу такого положенія Церкви должна была будто бы скрыться въ подземелья и принять символическій характеръ. Думаемъ, однако, что взглядъ этотъ не вполне правъ, причина появленія въ христіанствѣ символизма, по нашему мнѣнію, лежитъ гораздо глубже и вытекаетъ изъ самой сущности христіанства, какъ религія.

Знакомство съ внутреннимъ и вѣншимъ содержаніемъ другихъ религій ясно говоритъ намъ, что самъ символизмъ есть необходимая черта всякой религіи; и это потому, конечно, что онъ служилъ наилучшимъ способомъ для выраженія мистическихъ и нравственныхъ идей. Выраженіе идей посредствомъ названія предметовъ и изображенія подобныхъ съ тою же цѣлю мы находимъ въ самой глубокой древности у всѣхъ народовъ, оставившихъ слѣды своего развитія. Первобытный человѣкъ, затрудняясь опредѣлить явленія нравственной сферы, дѣлаетъ это, называя болѣе понятные ему матеріальные предметы, взятые имъ изъ видимаго міра, изъ окружающей его природы, которую онъ оживляетъ своею жизнью, предполагая въ ней свои чувства и свою натуру. Ему трудно было изыскать какую либо отвлеченную идею, смутно имъ понимае-

мую, словами, чѣмъ опредѣлить ее тѣмъ предметомъ, который имѣеть съ нею нѣкоторое сходство, всего ближе подходитъ къ ней особенными чертами своего характера въ самомъ дѣлѣ или только въ его воображеніи“²⁶⁾).

Таково психологическое обоснованіе религіознаго символизма; понятно, что въ одной религіи онъ будетъ проявляться въ большей степени, другой въ меньшей, въ зависимости отъ того, конечно, насколько та или другая религія удалена отъ натурализма. Христіанство, какъ религія чисто духовная, не имѣющая никакихъ общихъ точекъ соприкосновенія съ древне-языческимъ натурализмомъ и потому менѣе другихъ религій подлежащая художественному воспроизведенію своихъ идей, уже по этому самому болѣе всѣхъ другихъ религій можетъ имѣть въ себѣ и символическаго элемента. Эпоха гоненій только способствовала развитію этого элемента, но не была, да и не могла быть его творческимъ началомъ.

А такъ какъ исторія религіи говоритъ намъ, что никакая новая религія не рождается съ готовыми для конкретнаго выраженія своихъ идей формами, но что обозначеніе ихъ въ новой религіи принимаетъ формы уже прежде существовавшія, то понятно и вполнѣ естественно, что и христіанство для выраженія своихъ идей не могло обойтись безъ формъ, заимствованныхъ имъ изъ классическаго міра. Живописецъ не могъ сразу порвать связь съ тѣми предметами, которыми онъ восхищался въ язычествѣ и изображенія многихъ изъ нихъ перенесъ и въ христіанское изобразительное искусство. Конечно, въ христіанство имъ было перенесены только тѣ изображенія, только тѣ символы, которые строго согласовались съ требованіями христіанской религіи, которые строго соответствовали ея внутреннему содержанію и божественному происхожденію. Такъ перешло изъ классическаго міра въ христіанство изображенія *льва*, какъ символа царственной власти и могущества, — изображенія *якоря*, какъ символа спасенія и надежды въ христіанскомъ пониманіи этихъ словъ; изображенія *пальмы*, какъ символа побѣды, *масличной вѣтви*, какъ символа мира и покоя и т. далѣе. Къ числу заимствованныхъ изъ античнаго міра символовъ несомнѣнно принадлежатъ и употребляющіяся въ христіанской иконографіи олицетворенія *рѣкъ*, *морей*, *небесныхъ свѣтилъ*, *вѣтровъ* и т. д., при чемъ море олице-

²⁶⁾ А. Фоль-Фрикентъ. Римскія катакомбы, т. II, 44—45.

творялось въ видѣ мужчины или женщины съ урною, дракономъ или же трехзубцомъ, а рѣки—въ видѣ старика; такъ напр., изображалась рѣка Тигръ, Нилъ, Дунай, Иорданъ и др. ²⁷⁾.

Олицетворенія морей и рѣкъ очень часто встрѣчаются въ миниатюрахъ русскихъ лицевыхъ псалтирей. Такъ, напр., въ Ипатьевской лицевой псалтирѣ 1595 г. въ толкованіи на стихъ псалма 97-го «воскликните богови вся земля... море и рѣки восплекутъ руками вкуиѣ»—море изображено въ видѣ человѣческой фигуры, сидящей верхомъ на рыбѣ, а рѣка—въ видѣ женщины, при чемъ и море и рѣка «рукоплещутъ вкуиѣ» ²⁸⁾. Въ другой лицевой псалтирѣ—Углицкой 1485 г.—въ объясненіе стиха псалма 103 «сие море и великое и пространно. Тамо гади имже нѣсть числа. Животная малая съ великими»—море олицетворено безобразною мужскою фигурою, воссѣдающею на морскомъ чудовищѣ ²⁹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что на западѣ уже съ XIV в. живописное искусство начинаетъ мало-по-малу избѣгать рисовать на свѣщенныхъ изображеніяхъ Крещенія Господня и др. символическіе знаки, но у насъ олицетвореніе Иордана въ этомъ сюжетѣ господствуютъ еще и въ XVII вѣкѣ, что подтверждается наличностью иконныхъ изображеній, относящихся къ этому времени и имѣющихъ подобныя символы ³⁰⁾.

Изображеніе солнца и луны въ видѣ человѣческихъ фигуръ встрѣчается въ христіанской живописи также въ довольно раннюю эпоху, при чемъ нерѣдко эти фигуры изображаются скачущими на колесницахъ, иногда же солнце изображалось въ видѣ головы юнѣши съ короною и сіяніемъ ³¹⁾.

Что касается олицетворенія вѣтровъ, то по словамъ проф. Н. Покровскаго «въ древности дохристіанской олицетвореніе ихъ имѣло нѣсколько видовъ: иногда вѣтеръ являлся въ видѣ человѣка во весь

²⁷⁾ А. Фовъ-Фрикель, III, 165; Буслаевъ, т. I, стр. 106 и д.

²⁸⁾ „Ипатьевская лицевая псалтирь“ Христ. Чтеніе 1883 г.

²⁹⁾ Отеч. Зап. 1860 г. 317.

³⁰⁾ См. напр., снимокъ съ иконы Крещенія; въ атласѣ Лихачева № 542, икону въ Кіев. церк.-арх. музеѣ № 4515, снимокъ съ иконы Крещенія, воспроизведенный въ „Описаніи Саб. музеѣ“ таб. XIX и др.

³¹⁾ Отеч. Зап. 1860 г., 318.

рость, иногда только въ видѣ челоуѣческаго лица; труба же, какъ атрибутъ, прилагалась какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ».³²⁾

Изъ символическихъ птицъ, изображенія которыхъ помѣщались на иконахъ, слѣдуетъ отмѣтить голубя и пѣтуха. Голубь, какъ извѣстно, считается священной птицею у многихъ языческихъ народовъ, а арабы почитаютъ ее такою и въ настоящее время. Въ Ветхомъ Заветѣ голубь является во время потопа вѣстникомъ обновленія земли (Быт. VIII, 8—12), а въ Новомъ—Духъ Святой въ видѣ голубя сошелъ на Иисуса Христа при крещеніи. Въ этомъ послѣднемъ своемъ символическомъ обозначеніи голубь остается въ христіанской иконописи и до настоящаго времени.

Пѣтухъ, какъ символъ, въ христіанской иконографіи имѣетъ нѣсколько значеній. Такъ какъ древне христіанское преданіе говоритъ, что будто бы воскресеніе Христа совершилось при пѣніи пѣтуха, то и изображеніе этой птицы прежде всего употреблялось, какъ символъ воскресенія. Съ такимъ, напр., значеніемъ помѣщалось изображеніе пѣтуха на иконахъ Спасителя «Недреманное Око». Изображенный же рядомъ съ ап. Петромъ—пѣтухъ, служа эмблемою грѣха и распятія апостола, напоминаетъ молящимся предъ иконою о необходимости и спасительности постояннаго бодрствованія³³⁾.

Что же касается аллегорическихъ изображеній собственно въ русской иконографіи, то мы должны сказать, что все они есть несомнѣнно стремленіе иконописца угодить религіозному требованію современнаго ему русскаго общества—имѣть въ иконѣ не только икону, въ собственномъ смыслѣ того слова, но и наглядное руководство въ христіанской жизни. Икона въ то древнее время замѣняла нашимъ предкамъ книгу,

³²⁾ Хр. Чт. 1883 г., 627—628. Такъ напр., изображаются четыре вѣтра—восточный, полуденный, западный и полуночный на снимкѣ съ изображенія „Сотворенія міра“, помѣщенномъ въ томъ 1-мъ: „Собр. соч. О. И. Буслаева“. Такъ же изображенъ вѣтеръ на миниатюрѣ Углицкой псалтири (1485 г.) въ поясненіе стиха пс. 134: „извѣдй вѣтры отъ сокровищъ своихъ“; тоже изображеніе мы видимъ я въ лицевой псалтири въ толкованіи словъ пс. 106 „рече и ста духъ бурень и вознесомася волны его (моря): восходить до небесъ и низводить до безднъ“ (Хр. Чт. 1883 г., 627; Отеч. Зап. 1860 г., 318).

³³⁾ Въ атласѣ Лихачева есть снимокъ (№ 419) съ иконы „Отреченіе Петра“. Въ правомъ нижнемъ углу этой иконы изображены три фигуры, грѣющія у огня, а противъ нихъ, на лѣвой сторонѣ, служанка, обличающая Петра. Наверху (справа) нарисованъ шипящій человекъ, а въ головахъ его—пѣтухъ. Основная мысль этой несложной композиціи, думаемъ, ясна для каждаго безъ всякихъ поясненій. (Смотр. также ст. „Объ украшеніи христ. храмовъ“ Под. Еп. Вѣд.).

изъ которой мы со всею ясностью можем видѣть релігіозно-теологическій укладъ русской мысли того времени.

Свящ. Іоаннъ Егоровъ.

Вынужденное и неудачное оправданіе баптистовъ, или правда о баптистахъ.

(Продолженіе).

Ересь антитринитаріевъ (противотроичниковъ) не имѣла особенно вреднаго вліянія на жизнь и ученіе церкви. Они, допуская единство въ Богѣ, отрицали въ Немъ Троицность Лицъ. Богъ единъ по существу, а Сынъ Божій и Духъ Святой, учили они, это различныя божественныя силы одного и того же Бога, или отдѣльныя формы и образы, чрезъ которые Богъ открывался людямъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ открывался (являлся) въ видѣ Бога Отца, въ Новомъ Завѣтѣ—въ видѣ Сына, а а послѣ въ образѣ Духа Святаго, освящающаго людей.

Мы часто слышимъ, какъ апостолъ Павелъ и Іоаннъ Богословъ въ своихъ посланіяхъ возвышали предостерегающій голосъ противъ іудействующихъ-евіонитовъ и гностиковъ (въ частности никелаитовъ). Въ посланіи къ Галатамъ апостолъ увораеетъ христіанъ, что они отъ призваннаго ихъ Бога благодатію Христовой скоро переходятъ къ иному благовѣствованію (1—глава 6—7 ст.): „о, несмысленные Галаты! кто прельстилъ васъ не покоряться истинѣ? (3 гл. 1 ст.). Далѣе онъ свидѣтельствуеетъ о бесполезности ветхозавѣтнаго закона (3 глава), почему и спрашиваетъ галатійскихъ христіанъ: „нынѣ, познавши Бога... для чего возвращаетесь опять къ немощнымъ и бѣднымъ вещественнымъ началамъ, и хотите еще снова поработить себя имъ? Наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы. Если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа“ Галат. 4, 9—10; 5, 2. Въ заключеніе посланія онъ призываетъ христіанъ стоять въ свободѣ, которую даровалъ Христосъ и не подвергаться опять игу рабства (закону Моисея), надѣясь, что они не будутъ мыслить иначе: „я уврѣнъ о васъ въ Господѣ что вы не будете мыслить иначе; а смущающій васъ, кто бы ни былъ, понесетъ на себѣ осужденіе“ 5 гл. 10 ст.